

УДК 811.161.1

**Фразеологические маркеры гендерных стереотипов
в современных СМИ (на примере группы физических
характеристик)**

Е. А. Беспалова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Резюме

В статье рассматриваются особенности употребления в медиатекстах фразеологизмов со значением физических характеристик мужчин и женщин. Целью работы является изучение динамики представлений о роли мужчины и женщины в современном обществе, аккумулированных в устойчивых сочетаниях и подвергающихся пересмотру в медиаречи (по данным газетного корпуса Национального корпуса русского языка). Дается тематическая классификация фразеологизмов. Выявляется частотность их употребления с указанием лидирующих позиций и лагун. Анализируются особенности употребления фразеологизмов и наиболее типичные способы их трансформации. При проведении исследования используются методы наблюдения, сплошной выборки, лексикографического, лексико-семантического и контекстуального анализа, классификации и систематизации языкового материала.

Проведенный анализ свидетельствует о силе гендерных стереотипов в обществе, а также о попытках изменить эти представления. Употребление высокочастотных фразеологизмов «сильный пол», «слабый пол» и др. подтверждает идею господствующего положения мужчин в социуме, но при этом и отражает проявления позитивной дискриминации, опровергает представления о силе и слабости полов, об их соответствии принятым в узусе фразеологическим обозначениям. Среди единиц анализируемой группы наиболее значительные трансформации смыслов в медиаречи претерпевают фразеологические обороты сильный пол, слабый пол, сильная половина, слабая половина, на выданье, опасный возраст. Выявленные закономерности употребления устойчивых сочетаний пополняют данные о механизмах развития фразеологического значения. Показано, что структурно-семантическая трансформация фразеологизмов происходит в результате развития нового значения в контексте, буквализации значения, расширения компонентного состава, изменения стандартной сочетаемости, создания иронического контекста.

Ключевые слова: фразеология; гендер; прагматика; трансформация; физическая характеристика; газетный корпус.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беспалова Е. А. Фразеологические маркеры гендерных стереотипов в современных СМИ (на примере группы физических характеристик) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 3. С. 10-22.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022

Статья подписана в печать 25.07.2022

Статья опубликована 06.09.2022

Phraseological Markers of Gender Stereotypes in Modern Media (by the Example of a Group of Physical Characteristics)

Ekaterina A. Bespalova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

The article discusses the peculiarities of the use of phraseological units with the meaning of physical characteristics of men and women in media texts. The aim of the work is to study the dynamics of ideas about the role of men and women in modern society, accumulated in stable combinations and undergoing revision in the media language (according to the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language). A thematic classification of phraseological units is given. The frequency of their use is revealed, indicating the leading positions and gaps. The features of the use of phraseological units and the most typical ways of their transformation are analyzed. The research uses methods of observation, continuous sampling, lexicographic, lexico-semantic and contextual analysis, classification and systematization of language material.

The analysis shows the strength of gender stereotypes in society, as well as attempts to change these perceptions. The use of high-frequency phraseological units strong sex, weak sex, etc. confirms the idea of the dominant position of men in society, but at the same time reflects the manifestations of positive discrimination, refutes the ideas of the strength and weakness of the sexes, about their compliance with the phraseological designations accepted in the usage. Among the units of the analyzed group, the most significant transformations of meanings in the media language undergo phraseological turns strong sex, weak sex, strong half, weak half, marriageable, dangerous age. The revealed patterns of the use of stable combinations supplement the data on the mechanisms of the development of phraseological meaning. It is shown that the structural and semantic transformation of phraseological units occurs as a result of the development of a new meaning in the context, the literalization of meaning, the expansion of the component composition, changes in standard compatibility, the creation of an ironic context.

Keywords: phraseology; gender; pragmatics; transformation; physical characteristics; newspaper corpus.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bespalova E. A. Phraseological Markers of Gender Stereotypes in Modern Media (by the Example of a Group of Physical Characteristics). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(3): 10–22 (In Russ.).

Received 10.06.2022

Accepted 25.07.2022

Published 06.09.2022

***

Введение

В современной лингвистике наблюдается расцвет гендерных исследований. Во фразеологии такие работы представлены достаточно обширно: часть из них посвящена изучению гендера [1], гендерных стереотипов [2], в других рассматриваются особенности фразеологической репрезентации концептов «женщина» [3], «мужественность» [4], третьи основаны на сопоставлении мужских и женских ха-

рактеристик [5]. Тем не менее в изучении названных вопросов остаются лакуны, требующие дальнейшего рассмотрения (среди них – специфика трансформации фразеологизмов гендерной тематики в современной речи), что обуславливает актуальность подобных работ.

Проведение гендерного исследования на материале фразеологии показательно в том отношении, что она аккумулирует культурные смыслы, отражает многовековой опыт народа, его миросо-

зерцание, вербализуя взгляды на роли мужчины и женщины в обществе. Реалии и установки культуры «явлены в прескрипциях народной мудрости в различного рода языковых стереотипах» [6, с. 238].

Исследование особенностей употребления фразеологических единиц (ФЕ), служащих для характеристики мужчин/женщин, в современной речи имеет важное теоретическое значение, так как вносит вклад в изучение динамики гендерных стереотипов в сознании носителей языка; фразеология хранит и отражает такие стереотипы, а фразеопотребление свидетельствует об их постоянстве или семантических сдвигах. Кроме того, накапливаются данные о механизмах оперирования фразеологическим материалом, развития фразеологического значения.

Материалы и методы

Газетный корпус Национального корпуса русского языка представляет широкие возможности для изучения современной медиаречи: его состав периодически пополняется (сейчас в него включены материалы за последние 30 лет); увеличивается охват медиа; при этом незначительно меняется оформление ссылок на материалы (с февраля 2022 г. дата указывается в 6-значном формате (месяц/год)).

В корпус отобранных нами ФЕ, участвующих в формировании фразеологических образов мужчины и женщины, входят устойчивые сочетания трех типов:

1) ФЕ, содержащие буквальное указание на мужчину или женщину (*мужчина в самом расцвете сил*);

2) ФЕ, в толковании которых используются лексемы, указывающие на пол по присущим ему качествам (*бальзаковский возраст* – ‘о возрасте женщины от 30 до 40 лет’ [7, с. 111]);

3) ФЕ, в состав которых входят компоненты, указывающие на гендерный признак (*Аника-воин*).

Согласно исследованию Д. В. Семеновой, фразеологизмы с компонентом значения «мужской» и «женский» обра-

зуют три концептосоставляющих пласта: пласт социологических особенностей мужчин и женщин (социальный статус, социально значимая деятельность), пласт физических (внешность, возраст) и психологических характеристик (характер, ум, память) [5, с. 5]. Основываясь на названной классификации, в данной работе мы анализируем ФЕ второй группы.

Среди ФЕ, указывающих на физические свойства мужчин и женщин, можно выделить несколько тематических подгрупп:

1) ФЕ, номинирующие пол в целом, что в широком смысле представляет собой физическую характеристику (*сильный пол, грубый пол, сильная половина <человечества>, мужской род* – ‘мужчины’, *слабый пол, прекрасная половина <человечества>* – ‘женщины’);

2) ФЕ, называющие черты внешности: фигура, лицо (*Аполлон Бельведерский, красная девица*); рост, размер (*мальчик с пальчик, косая сажень в плечах*); общий вид, привлекательность (*ясный сокол, сладкая женщина*); одежда (*нарядиться как Маланья на свадьбу*); физическая сила (*[как] Илья Муромец*);

3) ФЕ, указывающие на возраст (*мужчина в самом расцвете сил, бальзаковский возраст*);

4) ФЕ синкретичной семантики, в значении которых физическая характеристика сочетается с другой, обычно психологической или поведенческой (*Аника-воин* – ‘хвастающий своей силой; задира, драчун’ [8, с. 15]; *синий чулок* – ‘о педантичной женщине, лишенной обаяния и женственности и поглощенной лишь научными интересами’ [7, с. 760]).

Частотность употребления ФЕ анализируемой тематической группы выступает одним из ключевых аспектов при описании специфики их функционирования в медиатекстах.

В газетном корпусе наиболее высокий индекс частотности имеют следующие ФЕ: *сильный пол* (898), *[как] Илья Муромец* (395), *сильная половина человечества* (230); *слабый пол* (861), *прекрас-*

ный пол (805), прекрасная половина человечества (295), бальзаковский возраст (239), на выданье (114). Как видим, во фразеологической номинации мужчин и женщин лидируют ФЕ с компонентом пол.

Сочетание молодой человек отличается наиболее высоким показателем частотности (свыше 30 тыс.), но среди этого количества употреблений в газетном корпусе отражены контексты, содержащие выражение в форме единственного числа, в которых так обозначается юноша, и в форме множественного числа, когда значение пола нейтрализуется (что делает невозможным подсчет точного количества употреблений, называющих мужчин).

С другой стороны, ряд ФЕ не отмечен в текстах газетного корпуса: *Милитриса Кирбитьевна, на возрасте, сияше аки луна в ночи, мраморные плечи, наряжаться как Маланья на свадьбу, старая скворечница (скворечня), грубый пол*. Первые три из них имеют в словарях помету устаревшее, что объясняет их переход в пассивный запас языка; неупотребительность последних трех ФЕ можно объяснить их содержательной неактуальностью в медиатекстах. Кроме того, в выбранном корпусе не реализуется фразеологическое значение оборота *опасный возраст* 'возраст женщины от 40 до 50 лет' [7, с. 111].

В ходе исследования применялись методы наблюдения, сплошной выборки, лексикографического, лексико-семантического и контекстуального анализа, классификации и систематизации языкового материала.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим особенности использования и трансформации в современной медиаречи ФЕ каждой тематической подгруппы на примере наиболее показательных единиц.

1. В устойчивых сочетаниях ФЕ с компонентами *пол, род, половина* наиболее ярко представлена гендерная оппози-

ция *мужчины – женщины*. При этом значение 'мужчины' вербализуется фразеологизмами *сильный пол, сильная половина человечества, мужской род*, а значение 'женщины' – ФЕ *слабый пол, нежный пол, прекрасный пол, женский род, лучшая половина человечества, прекрасная половина человечества*.

Оппозиция *сильный пол – слабый пол* – проявление гендерных стереотипов в языке, идеи «власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения» [5, с. 8].

ФЕ *сильный пол* и *слабый пол* наиболее частотны из всей анализируемой тематической группы в газетном корпусе; их употребление демонстрирует отношение носителей языка к сложившимся стереотипам, различные смысловые сдвиги, которые происходят в восприятии роли и места мужчин и женщин в обществе.

В создании образа фразеологизма *сильный пол* латентно участвует антитеза «свойственного одной группе лиц признака (силы) за счёт сопоставления его с противоположным признаком (слабостью), присущим другой группе лиц», т. е. женщинам [9].

ФЕ *сильный пол* отражает эталонное представление разных народов (сходные выражения фиксируются в разных европейских языках) о мужчине как «сильном в физическом и нравственном плане человеке, обладающем такими качествами, как стойкость, храбрость, бесстрашие, умение постоять за себя и за других» [9]. Эти характеристики могут актуализироваться в контексте: «*качества ... присущие именно сильному полу – крепкая выдержка и стальные нервы*» (Комсомольская правда, 02.2011) (здесь и далее примеры взяты из Газетного корпуса русского языка [10]). Фразеологическое значение оборота *сильный пол* 'мужчины' [7, с. 549] реализуется зачастую без указания на перечисленные признаки, только для номинации лиц этого пола: «*представители сильного пола пересели в аэропланы*» (lenta.ru, 09.2019).

Контексты употребления ФЕ *сильный пол* дают представление о положении мужчин в современном обществе. С одной стороны, отражена их преобладающая роль: «*сильный пол пока доминирует в обществе*» (Комсомольская правда, 04.2011). С другой стороны, ряд контекстов опровергает сложившиеся стереотипы: мужчины могут быть эмоциональными («*Сильный пол и проявление эмоций – история, полная вековых стереотипов*» (lenta.ru, 08.2016)) и болтливыми, открытыми для общения («*по части разговорчивости сильный пол обставял слабый*» (Комсомольская правда, 04.2013)), терять в обществе лидирующие позиции («*на рубеже тысячелетия баланс между сильным и слабым полами изменился*» (Труд-7, 06.2004)).

Развитие фразеологического значения происходит в случае расширения компонентного состава сочетания: «*не такой уж сильный пол*» (Новая газета, 11.2018), «*так называемый сильный пол*» (Комсомольская правда, 06.2004) (частотно); «*хилый сильный пол*» (Труд-7, 07.2007); «*бывший сильный пол*» (Комсомольская правда, 06.2003). В ряде контекстов подвергается сомнению сила мужчин посредством создания оксюморона: «*Слабое место сильного пола*» (Труд-7, 12.2009). В других случаях сильные качества, традиционно приписываемые этому полу, опровергаются напрямую, без дополнительных выразительных средств: «*представители сильного пола могут быть беззащитными*» (lenta.ru, 10.2017). Говорится о слабом здоровье мужчин: «*У сильного пола иммунитет слабее*» (Комсомольская правда, 09.2004). Упоминается, что мужчины передают право называться *сильным полом* женщинам: «*мужчины окончательно сдали женщинам и свои традиционные "охотничьи" позиции, и звание сильного пола*» (Труд-7, 08.2007). В ряде случаев ФЕ приобретает противоположное значение ‘женщины’: «*Немецкий журнал ... объяснил, почему женщины в России яв-*

ляются «сильным полом» (gazeta.ru, 11.2018).

Образной основой ФЕ *слабый пол* служит «эталонное представление о женщине как о хрупком существе, уступающем мужчине с точки зрения физической, нравственной, интеллектуальной, духовной силы и поэтому нуждающемся в защите, помощи и покровительстве» [11]: «*... у нас в стране считают, что девушки – это слабый пол*» (lenta.ru, 05.2019).

Многие медиатексты отражают как традиционные представления об особенностях женщин («*... у нее, как у представительницы слабого пола, лучше развита интуиция*» (РИА Новости, 02.2008)) и их месте в семье («*за обустройство домашнего очага обычно отвечает слабый пол*» (lenta.ru, 03.2016)), так и актуальные до сих пор гендерные стереотипы, связанные с ущемлением женских прав («*... представительницы слабого пола не достигают того же уровня образования, карьерного роста и дохода, что и мужчины*» (lenta.ru, 04.2019)).

В медиаречи отражаются и феминистские тенденции развития социума, позитивная дискриминация женщин: «*Представительницы слабого пола жаждут мужской работы и мужских зарплат*» (Труд-7, 03.2011). Подобные значения развиваются в ФЕ расширенного компонентного состава: «*когда-то слабый пол*» (РБК Дейли, 07.2013); «*прекрасный, но отнюдь не слабый пол*» (Комсомольская правда, 09.2007).

Аналогично контекстам с ФЕ *сильный пол*, в газетном корпусе находим примеры опровержения отличительного признака – в данном случае *слабости* женщин с использованием оксюморона («*Портреты сильных представительниц слабого пола*» (lenta.ru, 10.2017)) или без него («*На "слабом поле" все держится*» (Труд-7, 03.2007)). Кроме того, в медиатекстах ФЕ *слабый пол* развивает противоположное значение ‘мужчины’ (подобно отмеченной тенденции в употребле-

нии ФЕ *сильный пол*): «сегодня мужчины – это слабый пол» (Труд-7, 03.2008).

В нескольких контекстах ФЕ *сильный пол* и *слабый пол* употребляются совместно, выражая при этом различные отношения: взаимодополнения («... вселенная создала в пару сильному полу еще и прекрасный» (lenta.ru, 11.2019)), равенства («среди топ-менеджеров сильного и слабого пола стало поровну» (Труд-7, 03.2011)), сравнения («... в мире слабый пол живет дольше сильного» (Комсомольская правда, 05.2013)), но наиболее распространено противопоставление полов: «Тысячелетиями считалось, что мужчины – сильный пол, а женщины – слабый» (lenta.ru, 07.2017).

Для обозначения женщин в медиатекстах используются также ФЕ *нежный пол* и *прекрасный пол*, употребление которых подтверждает отмеченные тенденции: отражение сексизма («дискриминация представительниц прекрасного пола на рабочем месте» (lenta.ru, 05.2016)); опровержение красоты этого пола посредством оксюморона («поклонницы из числа привокзальных бомжих прекрасного пола» (lenta.ru, 02.2015)); наиболее широко отражены феминистские тенденции в обществе («партия, обещающая всерьез заняться правами прекрасного пола – «Женский Диалог» (lenta.ru, 08.2017)). При этом отмечаем преобладание контекстов, содержащих описание внешности женщин (по сравнению с ФЕ *слабый пол*), что можно объяснить актуализацией компонента *прекрасный* ('красивый'): «элегантный стиль коллекции пришелся по душе прекрасному полу» (РБК Дейли, 02.2014).

ФЕ *сильная половина* <человечества> – *прекрасная половина* <человечества> также обычно называют мужчин/женщин вообще: «сильную половину человечества принято поздравлять 23 февраля» (lenta.ru, 11.2017). Но отмечены контексты, в которых речь идет об отдельных представителях мужчин и женщин, в основе такого употребления лежит

контаминация с ФЕ *вторая половина*: «Ваша прекрасная половина, кто она?» (Труд-7, 05.2004). Компонент <человечества> в обоих сочетаниях является факультативным (во многих контекстах он не представлен), однако наиболее типичным; при этом в медиатекстах мы наблюдаем возможности более широкой сочетаемости с компонентами населения, «Ленты. Ру», офиса, учреждения, а также с неодушевленным существительным: «прекрасная половина соцсетей» (lenta.ru, 09.2015).

В употреблении ФЕ *сильная половина* <человечества> – *прекрасная половина* <человечества> прослеживаются закономерности, отмеченные выше: отражение идей сексизма («занимают исконные позиции представителей пока еще считающейся сильной половины человечества» (РИА Новости, 12.2006)) и позитивной дискриминации женщин («участие прекрасной половины в общественной и политической жизни – яркий признак зрелости общества» (Труд-7, 02.2007)), опровержение силы мужчин и надделение ею женщин («"Сильный пол" как "по жизни", так и в работе нередко оказывается слабее "прекрасной половины"» (Труд-7, 05.2001)), использование оксюморона («прекрасная половина шимпанзе» (РБК Daily, 06.2010)) и игры слов («"прекрасная половина" – на самом деле не половина, а больше» (Труд-7, 03.2006)), использование ФЕ для обозначения противоположного пола («Теперь черед прекрасной мужской половины» (Комсомольская правда, 09.2002)).

2. ФЕ, описывающие внешность мужчин и женщин

ФЕ *косая сажень в плечах* 'человек могучего телосложения, очень широкий в плечах' [8, с. 554] в узусе относится к разряду атрибутивно-предикативных оборотов: «Кирюха выглядит грозно – косая сажень в плечах, насупленные брови» (lenta.ru, 01.2017). Однако в медиатекстах отмечаем изменение синтаксической роли, переход в разряд субстантивных ФЕ,

из признака в предмет («*Коллера отличают косая сажень в плечах, мощный торс*») (Комсомольская правда, 07.2008)), а также случай изменения структуры оборота («*Иммигрант с потными, в косую сажень плечами*») (РИА Новости, 05.2005)).

Устойчивое сочетание *сладкая женщина* обязано своим появлением повести И. Велембовской, после экранизации которой оно стало популярным; во многих контекстах название этого фильма с участием Н. Гундаревой актуализируется. Фразеологическое значение 'о привлекательной, обаятельной женщине' [7, с. 220] реализуется реже: «*общие рубрики ... "Сладкая женщина"*» (конкурс фоторепортажей) (Труд-7, 12.2007). Несколько употреблений демонстрируют развитие двух новых значений: (1) 'женщина больших размеров' («*Катя победила в российском конкурсе «Сладкая женщина»*») (Комсомольская правда, 06.2013)); (2) 'профессия кондитер' («*Кондитеры сегодня в моде. Такая сладкая женщина в подарок – о чем еще может мечтать мужчина?*») (Комсомольская правда, 02.2002)).

Для обозначения особой физической силы мужчин используется ФЕ как *Илья Муромец* 'о сильном, здоровом, богатырском сложении человеке' [7, с. 271] (среди обозначений женщин подобных ФЕ нет). Фразеологическое значение оборота реализуется при использовании его как в форме единственного числа («*надо быть Ильей Муромцем, чтобы легко... вытолкать наружу двухметрового парня*») (Комсомольская правда, 02.2005)), так в форме множественного («*общественное мнение хотело видеть деревенских мужиков защитниками и былинными Ильями Муромцами*») (Комсомольская правда, 10.2013)), тогда развивается сема собирательности образа, которая может подчеркиваться употреблением сочетания как нарицательного («*не перевелись на Руси мужики, ильи-муромцы*») (Комсомольская правда, 09.2011)).

Прецедентное имя *Илья Муромец* значимо для русской культуры: «*у России символ – бурлаки, Илья Муромец. Россией должен управлять только сильный мужчина*» (Комсомольская правда, 04.2007). Сочетание активно используется в различных названиях: «*ледокол «Илья Муромец»*» (lenta.ru, 08.2019), «*самолет «Илья Муромец»*» (lenta.ru, 05.2019), «*билан «Илья Муромец»*» (Коммерсант, 05.2019), «*водопад Илья Муромец»*» (lenta.ru, 06.2017), «*симфония «Илья Муромец»*» (Известия, 05.2016) и т. д.

Но сила – это только один из атрибутивных признаков, связанных с текстом былин. Факт долгого лежания Ильи на печи до момента его исцеления является другой важной характеристикой прецедентной ситуации, и именно он отражен во множестве медиатекстов: «*Илья Муромец, 33 года проспав, встал и покорил всех врагов*» (Комсомольская правда, 04.2013). С ним сравнивают застой в России («*Россия сейчас словно Илья Муромец на печи – не чувствует ни рук, ни ног*») (Комсомольская правда, 02.2013)) или ее подъем после долгого застоя («*Россия сегодня сродни былинному Илье Мурому – набирает силу, встает на ноги, крепнет*») (Труд-7, 08.2003)). В процессе упрощения и гиперболизации этой ситуации на первый план выходит значение 'долгое ничегонеделание', широко представленное в медиатекстах («*С задором Ильи Муромца, в тридцать лет впервые слезшего с печи, мы покоряли информационное пространство*») (Комсомольская правда, 02.1992)); здесь также встречаются нарицательные варианты («*наверняка опять послезают с высокопоставленных печей ильи муромцы с портфелями и все испортят*») (Известия, 09.2006)).

С былинами об Илье Муромце связан также эпизод раздумья богатыря на распутье, отраженный в медиатексте: «*Действие ... подобно Илье Мурому, ... движется дальше: пойдешь налево – ко-*

ня потеряешь, направо – голову сложишь» (Новая газета, 11.2016).

3. Фразеологизмы, указывающие на возраст мужчин и женщин.

ФЕ *мужчина в полном расцвете сил* ‘комплимент мужчине среднего возраста’ [7, с. 452] представляет собой прецедентное высказывание, принадлежащее герою книги А. Линдгрена и мультипликационного фильма. Цитата из речи Карлсона в анализируемых текстах воспроизводится в полном варианте («... в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил» (РИА Новости, 12.2006)), с заменой компонента *полный* на компонент *самый*, без этих компонентов. В тексте может содержаться отсылка к самому персонажу или сравнение с ним («Фрол, как и Карлсон, мужчина в самом расцвете сил» (Комсомольская правда, 02.2011)); само имя Карлсона может стать синонимом выражения. В одном из контекстов подчеркнуто значение ‘взрослый’: «Стрелял не импульсивный пацан, а мужчина в самом расцвете сил» (Комсомольская правда, 04.2012).

Фразеологический оборот *бальзаковский возраст* отражен в словарях в значении ‘о возрасте женщины от 30 до 40 лет’ [7, с. 111] в соответствии с романом Оноре де Бальзака «Тридцатилетняя женщина». Это значение использовано в названии популярного сериала, которое встречается в газетном корпусе многократно («мелодрама "Бальзаковский возраст, или Все мужики сво..."» (Vesti.ru, 02.2020)). Помимо обозначения названного возраста, данное сочетание используется для образования конструкций, называющий иной возраст – моложе 30 лет («женщины на пороге бальзаковского возраста» (Труд-7, 10.2000)) или старше 40 («дамы бальзаковского и постбальзаковского возраста» (Комсомольская правда, 02.2008)). Показателен пример контаминации ФЕ *бальзаковский возраст* и *опасный возраст* – ««бальзаковский» опасный возраст» (Общая газета, 07.1995): оборот *опасный возраст* был образован

от соответствующего названия романа К. Михаэлис, которая описала возраст женщин от 40 до 50 лет; «сегодня в этом смысле употребляется понятие *бальзаковский возраст... опасный возраст* давно уже приобрело другое значение и применяется, как правило, к подросткам, детям переходного возраста (13-15 лет)» [12]; таким образом, наблюдаем сдвиг в семантике двух фразеологизмов (при анализе контекстов употребления ФЕ *опасный возраст* нами не было отмечено ни одного примера в значении женского возраста, что также подтверждает названную тенденцию). Замечено, что «в составе фразеологизма имя собственное со временем утрачивает связь с индивидуальным человеком» [13, с. 33], в данном случае теряется не только связь с Бальзаком, но и с изначальным значением сочетания.

ФЕ *на выданье* в узусе имеет значение ‘в возрасте, когда принято выдавать замуж’ [8, с. 107], что указывает на принадлежность женскому полу. В ряде контекстов так и характеризуется девушка («красавица на выданье» (Новая газета, 09.2016)) или проводится сравнение с ней («националисты – это сейчас барышня на выданье» (Комсомольская правда, 01.2012)). Встречаем и примеры, в которых актуализируется значение ‘невеститься, собираться замуж’ («Тебе сорок, а ты все девушка на выданье» (Комсомольская правда, 05.2010)). Другие контексты существенно расширяют узусные представления о сочетаемости ФЕ *на выданье*: выражение многократно используется по отношению к мужчинам («Жених на выданье» (Труд-7, 05.2007)). Распространено употребление сочетания для обозначения союза с к.-л.: со спонсором, с инвестором, с партией, со страной («Туркмения превратилась в богатую невесту на выданье... Интерес проявлял Китай» (Комсомольская правда, 04.2007)). Кроме того, отмечаем контексты, в которых оборот не вполне уместно использу-

ется почти буквально, как синоним формам 'на выдачу', 'к выдаче'.

4. ФЕ синкретичной семантики.

Основанием для отнесения ФЕ к этому ряду служит синкретизм значения, подтвержденный толкованием в словаре.

Устойчивое сочетание *мужская рука* служит для обозначения мужской силы и твердости [8, с. 544], называет как физические, так и духовные качества. В медиатекстах отмечается, что *мужской руки* не хватает в образовании и воспитании («*Школам не хватает мужской руки*» (Комсомольская правда, 11.2007), а также отдельным женщинам («*для полного счастья героине не хватает ... крепкой мужской руки*» (Труд-7, 09.2008)).

Употребление ФЕ *синий чулок* демонстрирует наибольшее разнообразие семантических оттенков и способов развития значения из оборотов данной подгруппы; наблюдающиеся фразеологические трансформации могут служить средством создания нового образа [14, с. 207]. Выражение используется для обозначения педантичной женщины, 'лишенной обаяния и женственности и поглощенной лишь научными интересами' [7, с. 760]; с его помощью «*в XVIII веке обесценивали женщин, интересующихся наукой*» (lenta.ru, 11.2014), для их номинации выражение используется и сейчас: «*я должна была в 21 год играть женщину синий-чулок*» (Комсомольская правда, 06.2013). Медиатексты фиксируют, с одной стороны, жизненность стереотипа о том, что умная женщина не может быть красивой («*женщине позволено либо быть красивой и желанной душой, либо никому не интересным «синим чулком»*» (Комсомольская правда, 08.2006)), с другой – попытки его опровержения («*Синим чулком Монро не назовешь, но женский ум присутствовал у нее даже в пятках*» (Известия, 06.2006)). Сложившееся представление о *синем чулке* связано с определенной профессией: чаще всего это учитель («*учителя ... оставались «синими чулками»*» (Комсомольская правда,

09.2001)), реже – экономист («*Если бы осталась экономистом, наверняка стала бы синим чулком*» (Труд-7, 09.2006)). В медиатекстах многократно подчеркивается, что женщины этого типажа обязательно не замужем («*если в 27 лет у тебя нет мужа и детей – ... ты синий чулок*» (Комсомольская правда, 09.2013). Может развиваться значение 'моралистка' («*Я не моралистка, не синий чулок*» (Труд-7, 05.2002)). В одном из контекстов на основе подобной синекдохи создан образ, противоположный по значению: «*Не "синий чулок", но и не розовые колготки*» (Труд-7, 11.2006) [о женщине-политике].

Выводы

Проведенный анализ употребления в медиатекстах фразеологизмов, обозначающих физические характеристики мужчин и женщин, позволяет выявить некоторые закономерности их использования и векторы развития фразеологического значения, показать многообразие норм речевого поведения социальных групп [15; 16].

В медиаречи ФЕ данной группы востребованы в разной степени. Выявлен ряд высокочастотных устойчивых сочетаний, к числу которых относятся *сильный пол*, [как] *Илья Муромец*, *сильная половина <человечества>* среди обозначений мужчин и *слабый пол*, *прекрасный пол*, *прекрасная половина <человечества>*, *бальзаковский возраст* среди обозначений женщин. ФЕ с нулевым индексом частотности (*Милитриса Кирбитьевна*, *опасный возраст* (о женщине), *грубый пол* и др.) свидетельствуют об их неактуальности в современной речи, переходе в пассивный запас языка.

Гендерная оппозиция *мужчины – женщины* наиболее ярко представлена в контекстах употребления ФЕ с компонентами *пол*, *род*, *половина*. Контексты употребления устойчивых сочетаний *сильный пол*, *слабый пол*, *прекрасный пол*, *сильная половина <человечества>*, *прекрасная половина <человечества>* отра-

жают существующие гендерные стереотипы, а также изменения в восприятии роли мужчины и женщины в социуме. ФЕ *сильный пол*, с одной стороны, используется для обозначения господствующего положения мужчин в обществе, с другой – пересмотра сложившихся стереотипов: этот пол перестает быть *сильным* (идея передается посредством расширения компонентного состава ФЕ, создания оксюморона или буквально в контексте), иногда передает право называться *сильным полом* женщинам.

Эталонное представление о женщине как о хрупком существе, которое уступает во многом мужчине и потому зовется *слабым полом*, также подвергается пересмотру в речи современных носителей языка. Медиатексты свидетельствуют о женских слабостях и традиционном месте в семье, у домашнего очага, но намного значительнее в контекстах употребления ФЕ *слабый пол* представлены темы дискриминации женщин при построении карьеры, получении образования, оплаты труда и т. п., с одной стороны, и феминистские тенденции развития общества – с другой. Подобно ситуации с *сильным полом*, в газетном корпусе отражены контексты, в которых опровергается *слабость* женщин (в том числе при этом используется оксюморон) и *слабый пол* приобретает противоположное значение. Употребление ФЕ *прекрасный пол* отвечает отмеченным закономерностям, однако чаще, чем *слабый*, используется при описании внешнего вида женщин, что можно объяснить компонентным составом устойчивого сочетания.

Среди фразеологизмов, служащих для описания внешности мужчин и женщин, выделяется несколько тематических подгрупп. Устойчивое сочетание *красная девица*, указывающее на особенности лица и фигуры, имеет фольклорное происхождение; в медиатекстах встречается и его усеченный народно-поэтический вариант. Отмечен переход фразеологизма *косая сажень в плечах*, использующегося

для обозначения размера человека, из атрибутивно-предикативного в субстантивный разряд и изменение его синтаксической функции в контекстах. Выражение *сладкая женщина*, служащее для обозначения женской привлекательности, помимо узусного значения, теряет связь с породившим его прецедентным текстом (повестью и фильмом) и развивает новые значения – ‘женщина больших размеров’ и ‘профессия кондитер’. Употребления сочетания [как] *Илья Муромец* подчеркивают его значимость, символичность для русской культуры: высоко ценится его сила, активно вербализуется такой атрибут прецедентной ситуации, связанной с его именем, как долгое лежание на печи (ничегонеделание), а также раздумье на распутье.

Среди фразеологизмов, указывающих на возраст мужчин/женщин, обращает на себя внимание употребление трех единиц. Оборот *мужчина в самом расцвете сил* используется как дословная и частичная цитата, с отсылкой к известному герою, сравнением с ним или без. Контексты употребления фразеологизма *бальзаковский возраст* выявляют трансформацию его семантики (это уже может быть женщина не от 30 до 40, а от 40 до 50 лет, для обозначения чего которой ранее использовалось выражение *опасный возраст*, не отмеченное в современных медиатекстах в этом значении), а также тенденцию использования в качестве опорной модели для обозначения других возрастов женщин. Выражение *на выданье*, помимо традиционного употребления в отношении лиц женского пола, демонстрирует возможности широкой (иногда неожиданной) сочетаемости: оно многократно используется по отношению к мужчинам, для описания союза с кем-либо (спонсором, партией, страной).

В значении фразеологизмов синкретичной семантики физическая характеристика сочетается с иной, чаще психологической. Употребление фразеологизма *синий чулок* демонстрирует актуальность

стереотипов, связанных с этим образом: умная женщина не может быть красивой, чаще всего она учитель, не замужем, моралистка.

Обобщение особенностей употребления фразеологизмов данной группы

свидетельствует о силе гендерных стереотипов в обществе, а также о попытках изменить эти представления. Выявленные при этом тенденции трансформации фразеологического значения важны для понимания его динамики.

Список литературы

1. Волошина К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 25 с.
2. Соловьева Н. С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 2008. 20 с.
3. Чибышева О.А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
4. Зыкова С. А. Специфика реализации концепта «мужественность» в языковой картине мира (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 22 с.
5. Семенова Д. В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина» (на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 25 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
7. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Льюкс, 2005. 926 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М.: Издательство АСТ, 2001. 720 с.
9. Зыкова И. В. Сильный пол / Большой фразеологический словарь русского языка / сост. Е. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/2336/Сильный_пол.
10. Газетный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.
11. Зыкова И. В. Слабый пол / Большой фразеологический словарь русского языка / сост. Е. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/2336/Слабый_пол.
12. Опасный возраст // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/>.
13. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом – прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 29-46.
14. Попова Г. В. Организация художественного мира фантастического произведения: категориальные понятия (на материале дилогии О. Громыко «Год Крысы») // Научный диалог. 2021. № 9. С. 200-216.

15. Степыкин Н. И. Ассоциативный эксперимент и метод концептуальных карт как инструменты исследования структуры и содержания концепта // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-1(43). С. 248-251.

16. Степыкин Н.И. Small talk как стереотип вербального поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 584. С. 209-218.

References

1. Voloshina K. S. *Frazeologizm kak sredstvo konceptualizacii ponyatiya "gender"*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Phraseology as a means of conceptualizing the concept of "gender". Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nal'chik, 2010. 25 p.

2. Solov'eva N. S. *Dinamika gendernyh stereotipov v anglijskoj i russoj yazykovyh kartinah mira (na materiale frazeologii)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Dynamics of gender stereotypes in English and Russian language pictures of the world (based on phraseology). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Volgograd, 2008. 20 p.

3. Chibysheva O.A. *Koncept "zhenshchina" v russoj i anglijskoj frazeologii (na materiale predmetnyh frazeologizmov, imenuyushchih zhenshchinu)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of "woman" in Russian and English phraseology (based on the material of subject phraseological units naming a woman). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Chelyabinsk, 2005. 24 p.

4. Zyкова S. A. *Specifika realizacii koncepta "muzhestvennost'" v yazykovoj kartine mira (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The specifics of the implementation of the concept of "masculinity" in the linguistic picture of the world (based on the material of Russian and Spanish). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Tyumen', 2009. 22 p.

5. Semenova D. V. *Gendernyj aspekt konceptual'nogo analiza leksem "muzhchina" i "zhenshchina" (na materiale frazeologii anglijskogo, russkogo i kabardinskogo yazykov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Gender aspect of the conceptual analysis of the lexemes "man" and "woman" (based on the phraseology of English, Russian and Kabardian languages). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nal'chik, 2006. 25 p.

6. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. 288 p.

7. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units]; ed. by V. M. Mokienko. Moscow, Astrel': AST: Lyuks Publ., 2005. 926 p.

8. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]; ed. by A. I. Fedorov. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2001. 720 p.

9. Zyкова I. V. [Strong sex]. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big phraseological dictionary of the Russian language]; ed. by E. N. Teliya. Moscow, AST-Press Publ., 2006. (In Russ.). Available at: https://phrase_dictionary.academic.ru/2336/Sil'nyj-pol.

10. Gazetnyj korpus russkogo yazyka [Russian Russian language newspaper corpus]. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.

11. Zyкова I. V. [The weaker sex]. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big phraseological dictionary of the Russian language]; ed. by E. N. Teliya. Moscow, AST-Press Publ., 2006. (In Russ.). Available at: https://phrase_dictionary.academic.ru/2336/Slabyj-pol.

12. [Dangerous age]. *Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2003. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/>.

13. Bepalova E. A. Frazеologizmy mifologicheskogo proiskhozhdeniya s komponentom – precedentnym imenem: osobennosti stroeniya i upotrebleniya (na primere gazetnyh tekstov) [Phraseological units of mythological origin with a component – a precedent name: features of structure and use (on the example of newspaper texts)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2021, no. 69, pp. 29-46.

14. Popova G. V. Organizaciya hudozhestvennogo mira fantasticheskogo proizvedeniya: kategorial'nye ponyatiya (na materiale dilogii O. Gromyko "God Krysy") [The organization of the artistic world of a fantastic work: categorical concepts (based on the material of O. Gromyko's dilogy "The Year of the Rat")]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 9, pp. 200-216.

15. Stepykin N. I. Associativnyj eksperiment i metod konceptual'nyh kart kak instrumenty issledovaniya struktury i sodержaniya koncepta [Associative experiment and the method of conceptual maps as tools for the study of the structure and content of the concept]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. = Proceedings of the Southwest State University*, 2012, no. 4-1(43), pp. 248-251.

16. Stepykin N.I. Small talk kak stereotip verbal'nogo povedeniya [Smalltalk as stereotypes of verbal behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 2010, no. 584, pp. 209-218.

Информация об авторе / Information about the Author

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bepalova, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021